

«Последнее испытание» терпения зрителей: как не надо

снимать о трагедиях

o

Бывают фильмы, похожие на живой организм — нельзя выкинуть из них какую-нибудь часть, чтобы не покалечить или не убить целое, и все их элементы естественно и неразрывно взаимосвязаны и плавно переходят один в другой. Есть фильмы, напоминающие механизмы — жизни в них куда меньше, зато интересно следить, как ловко свинчены и слаженно двигаются все эти кривошипные и колесики. Фильм Алексея А. Петрухина больше всего напоминает разноцветные драже, насыпанные в фигурную упаковку — шарики держит вместе только прозрачный пластик, создавая иллюзию оформленности.

Режиссер применяет тот же прием, что и в фильме «Училка» (даже одного из ключевых персонажей, учительницу истории, играет всё та же Ирина Купченко), используя сюжет картины именно как «упаковку» для проблемных диалогов и дискуссий. Но если там подобное было оправдано, и сюжетная рамка действительно была довольно условной, то «Последнее испытание» претендует, во-первых, на определенную эпичность, во-вторых, на остросюжетность а-ля «Крепкий орешек». Даже при огромном количестве второстепенных персонажей и ведя сразу несколько основных линий, можно было создать единое смысловое поле. Но Петрухин не смог или не захотел это сделать.

То, что получилось — бледная тень западных боевиков, создающая ощущение, что сюжет был сочинен на коленке за полчаса, просто потому что должен ведь быть у фильма сюжет. К счастью, картина не про теракт на Дубровке, а про некую подражательную акцию, случившуюся где-то в параллельной реальности. Хотя, по словам создателей фильма, в массовке принимали участие люди, пережившие трагедию «Норд-Оста». И как-то не очень верится, что они были рады вместо правдивого рассказа о тех страшных днях увидеть неуклюжую и вторичную фантазию, частью которой они вдруг оказались.

Количество рассованных по кустам роялей просто поражает. Разумеется, в буфете ДК, а потом в зале непременно должны были оказаться непричастные к терроризму чеченцы, напоминающие бородатых ангелов, внизу лестничного колодца, в который падает герой-одиночка — куча мягкого реквизита, а среди наемников-террористов — парень, которому когда-то одна из находящихся в зале учительниц обеспечила тюремный срок. Такое количество совпадений к финалу начинает создавать совершенно неуместный комический эффект. Впрочем, надуманность сюжетных поворотов только подчеркивает ходульный пафос произносимых речей.

Собственно, ради речей всё и затевалось, и хотя бы они должны были быть живыми и трогающими сердце. Вместо этого персонажи словно бы выступают даже не на митинге, а на школьной линейке, оттарабанивая, будто по писанному, красивые, как пластмассовые цветы, декларации. «Благородный чеченский воин» Азамат выражается так, что мог бы умереть от зависти любой

из персонажей Толкина, исключая орков. Мирные чеченцы в зале тоже только что не говорят стихами. Учительница Алла Николаевна бойко шпарит фактами, словно из блаженной памяти «Блокнота агитатора», и пламенно пропагандирует разумное, доброе, вечное. Даже самые жалкие отрицательные персонажи, колотясь в истерике, умудряются при этом складно резонерствовать.

Ну, а что же с темой терроризма и радикального исламизма? Что поймет про это зритель? Что брать заложников, конечно, нехорошо, но чеченцы и глубоко верующие мусульмане в целом — люди рыцарственного благородства, отважные и высокоморальные. Не то, что прочая дезориентированная и расхлябанная толпа. А что в террористы подались — так это хороших ребят развели и подставили плохие западные хозяева. Вид у Азамата под занавес становится совсем как у кота Базилио в известном фильме: «Обманули! Обштопали!». Ведь это просто ужасно — устраивать теракты ради провокаций и наживы. Вот если бы за идею и во славу Аллаха, то тогда можно было бы спокойно запугивать и убивать безоружных людей. Нет, разумеется, Алла Николаевна напоминает «рыцарю» в маске о зверствах чеченских моджахедов, но как-то вскользь. К тому же слова проигрывают по сравнению с «картинкой», с общим впечатлением от главного антагониста как от умного, храброго и полного внутреннего достоинства человека. Конечно, были среди чеченских боевиков и такие, кто потом в итоге принимал участие в обуздании отморожков и наемников и обустройстве мирной жизни. Но создается впечатление, что режиссер зачем-то изо всех сил старается показать чеченцев-террористов не особо и виноватыми, совершавшими не преступления, а трагические ошибки. К тому же, в противовес боевикам, он тут же, словно в учебнике для первоклашек или на плакате, демонстрирует нам «чеченцев здорового человека». Непонятно, зачем — ведь вроде бы в 21 веке уже стало аксиомой, что плохих народов не бывает, а довольно сомнительная мудрость о том, что у каждого «своя правда», давно навязла в зубах. От излишнего настаивания на этих постулатах они не утверждаются, а наоборот, попадают под некоторое подозрение.

Еще одна странность — практически полное бессилие «органов», вынужденных полагаться на одного-единственного, по собственной инициативе оказавшегося в здании «супермена». Сцена расстрела боевиками служебной машины исполнена с каким-то пристальным сладострастием. ФСБшники откровенно трусят и почти что впадают в прострацию, узнав о том, что среди заложников находится «член правительства». Тогда как герой-одиночка, находящийся в отпуске, проворачивает операцию чуть ли не одной левой, проявляя чудеса смекалки, храбрости и неубиваемости.

Так что же перед нами по жанру? Психологически-социальная драма? Непонятно в каком времени происходящая фантазия на тему реальных событий? Боевик о крутом спецназовце, побеждающем толпу злодеев, даже не особо запыхавшись? Панегирик «нашим учителям», как было сказано в титрах (довольно-таки двусмысленно — под «учителями» можно подразумевать и врагов)? В том и дело, что ничего из этого не получилось. Слишком всего понемножку было накрошено в это блюдо, в том числе и совершенно

несочетаемые «продукты». За двумя (а тем более тремя и четырьмя) зайцами погонишься...

А настоящие кинорассказы о терактах в Буденновске, Беслане, на Дубровке нам, возможно, еще предстоит увидеть. И, вполне возможно, по уже сложившейся недоброй «традиции» эти фильмы будут сняты за рубежом, и в них будет очень мало о человеческой стойкости и очень много о промахах и недостатках. Мы ведь так и не научились рассказывать о своем больном — без ложного пафоса и неуместной развлекательности «мужского кино», а потому нам приходится давиться чужой — хорошо если просто переперченной и пересоленной, а не начиненной ядами продукцией. Может, хватит?

(Источник: <https://regnum.ru/news/cultura/2709884.html>)